

Э. Хексельшнейдер

НЕМЕЦКИЙ СЛАВИСТ О РУССКОМ ЭПОСЕ

(Диссертация Вильгельма Вольнера, 1879)

В 1879 г. в одном из немецких университетов впервые состоялась защита диссертации, посвященной проблемам русского фольклора. Ее автором был Вильгельм Вольнер, называлась она «Исследования народного эпоса великоруссов» и защищена была на философском факультете Лейпцигского университета. Чем же достопамятно это событие? Прежде всего оно свидетельствует о том, что в последней трети XIX в. в тогдашней Германии славистика уже начала развиваться как научная дисциплина; ее предметом были славянские языки, литература и фольклор. Правда, первые работы о славянах стали появляться в немецкой научной литературе еще в XVI в., но как самостоятельная наука славистика смогла занять подобающее ей место в университетах Германии сравнительно поздно.

Первые кафедры славистики были учреждены в Берлине и Бреслау (нынешний Вроцлав) только в 1841 г., затем в 1870 г. открылась кафедра славистики в Лейпциге.

Сначала славистика развивалась под сильным влиянием индоевропеистики. Это с самого начала обусловило и ее четко выраженную лингвистическую направленность. Поэтому появление в 60-х — 70-х гг. XIX в. работ по литературоведению и фольклористике, расширивших границы славистских исследований, имело большое значение.

Постепенно начало утверждаться мнение, что культуру, литературу и фольклор славянских народов нельзя игнорировать, что они должны стать предметом научного исследования.

В летний семестр 1842 г. поляк Войцех Цыбульский прочел первую лекцию о фольклоре славян шестнадцати студентам Берлинского университета. В зимний семестр 1871—1872 г. в Лейпцигском университете Августом Лескином был прочитан первый лекционный курс «Эпическая народная поэзия славянских народов». Позже он же посвящал свои лекции толкованию русских эпических песен, народному эпосу великорусов, русским эпическим сказаниям и их соотношению с эпикой других народов. Параллельно с этим Лескин вел занятия по славянским литературам.

Диссертация его ученика Вильгельма Вольнера, родившаяся в творческой атмосфере Лейпцигского университета тех лет, тоже была продиктована стремлением преодолеть некую лингвистическую «односторонность» и даже ограниченность славистики, расширить ее рамки, пополнить ее научным изучением русской народной поэзии¹.

Вместе с тем работа Вольнера стала новым словом в истории русско-немецких связей в области фольклора и фольклористики. В рамках одной

¹ W. Zeil, H. Pohrt. Zur Entwicklung der Slawistik in Deutschland von ihren Anfängen bis zum Ende des XIX. Jahrhunderts.— «Zeitschrift für Slawistik», XXII, H. 2, S. 180 ff.

статьи трудно дать полную картину этих связей, необыкновенно плодотворных во всем, что касается восприятия и распространения русского фольклора в Германии XVIII и XIX вв. и контактов между немецкими славистами и русскими фольклористами², но нельзя не упомянуть самые важные факты.

Еще Иоганн Готфрид Гердер и Якоб Гримм указывали на национальное своеобразие русской песни и сказки и вместе с тем на их значение для сравнительного изучения фольклора в международном масштабе. Созданные Гердером и Гриммом универсальные концепции побудили многих переводчиков и поэтов к занятиям русским фольклором. Переводы на немецкий язык, снабженные комментариями, сделали русский фольклор доступным немецким читателям.

Следующим этапом бурного развития русско-немецких связей в области фольклора были годы антинаполеоновских войн, создавшие условия для массового общения немцев, русских и других народов (особенно украинцев и башкир). В это время в Германии стали необыкновенно популярны русские песни³.

Если до тех пор восхищение сербской, а отчасти и польской народной поэзией заслоняло интерес к русской народной поэзии, то в десятилетия, последовавшие за освободительными войнами, вышли в свет фундаментальные издания русских песен и сказок. В комментариях к этим переводным изданиям не просто сообщались основные сведения о русской народной поэзии, почерпнутые из работ развивающейся русской фольклористики, и не только отражалась общеромантическая тяга ко всему народному: они стали и самостоятельным вкладом в развитие фольклористики как научной дисциплины. По крайней мере это можно сказать о лучших работах того времени. Назовем в первую очередь обширный сборник песен Петера Отто фон Гёце, издавшего вслед за Гердером⁴ «Голос русского народа в песнях» (*«Stimme des russischen Volkes in Liedern»*, 1828); сборник Иозефа Венцига «Славянские народные песни» (*«Slavische Volkslieder»*, 1830), ориентированный на *«Slovanski národní písně»* Ф. Л. Челаковского, в который вошел 41 русский текст; самый обширный из немецкоязычных сборников славянских народных песен «Славянская балалайка» (*«Slavische Balalajka»*), изданный Вильгельмом фон Вальдбрюлем (1843, 2-е изд.—1848); а также «Русские народные сказки» (*«Russische Volksmärchen»*, 1831) Антона Дитриха с предисловием Якоба Гримма и «Древнейшие народные сказки русских» (*«Die ältesten Volksmärchen der Russen»*, 1841) Иоганна Непомука Фогля. Выход в свет этих сборников вызвал появление множества статей, выборочных публикаций и изданий отдельных текстов, побудивших немалое число немецких поэтов и композиторов к самостоятельному творчеству. Отражение русского фольклора можно проследить в творчестве композиторов (Л. ван Бетховен, Г. М. фон Вебер и Ф. Зильхер) и писателей (Т. Кёрнер, Хр. А. Тидге, А. фон Шамиссо или Ф. фон Годи).

Своего рода обобщением всех работ о русском фольклоре первой половины XIX в. был труд Терезы Альбертины Луизы фон Якоб, опубликованный в 1852 г. под криптонимом Talvj, — «Краткий справочник по истории славянских языков и литературы» (*«Übersichtliches Handbuch einer Geschichte der slavischen Sprache und Literatur»*). В приложении дан — с романтических позиций — краткий компилятивный обзор сла-

² E. Hexelschneider. Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des XIX. Jahrhunderts. — «Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik der Deutschen Akademie der Wissenschaften», № 39. Berlin, 1967; M. Vasmer. Bausteine zur Geschichte der deutsch-slavischen geistigen Beziehungen, I. — «Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Jg. 1938. Philosophisch-historische Klasse», № 6. Berlin, 1939.

³ См. подробнее: E. Hexelschneider. Указ. паб.

⁴ E. Hexelschneider. Herder als Anreger für die Verbreitung russischer Volksdichtung in Deutschland. — «Johann Gottfried Herder. Zur Herder-Rezeption in Ost- und Südosteuropa». Berlin, 1978, S. 196—204.

вянского фольклора со сведениями о славянской, главным образом русской поэзии (в первую очередь о песне).

Русский былинный эпос был в Германии первой половины XIX в. менее известен, чем песня и сказка. Правда, встречались указания на существование былин и исторических песен и при случае даже публиковались отдельные тексты.

Важнейшей публикацией русских былин в Германии был изданный Карлом Генрихом фон Буссе сборник «Князь Владимир и его пиры» («Fürst Wladimir und dessen Tafelrunde», 1819), составленный из очень вольных переводов «Древнероссийских стихотворений» и собственных стихов издателя. Этот сборник долго оставался для немцев источником знакомства с русским эпосом. Научные же данные о сборнике Кирши Данилова сообщил в 1828 г. фон Гёце, пересказавший также пять сюжетов.

Впрочем, к Кирше Данилову обратился в 1843 г. и Вильгельм Вольфзон в работе «Научно-художественная литература русских» («Die schön-wissenschaftliche Literatur der Russen»); он перевел оттуда пять былин.

Но с 40-х годов, в известной мере благодаря достижениям русской фольклористики, которая сама еще только начинала складываться как наука, наступил отход от романтического восхищения народной песней и сказкой и стал утверждать трезвый научно-исследовательский взгляд на проблемы развития народной поэзии. Особенно внимательно были встречены первые значительные издания русских и украинских фольклористов: М. А. Максимовича, П. В. Киреевского и И. П. Захарова. Появились довольно обширные обзоры и библиографии, подытоживающие успехи русской фольклористики. Особенно важным оказался «Библиографический обзор сборников славянских народных песен» Шафарика («Bibliographische Übersicht der Sammlungen slavischer Volkslieder», 1843), опубликованный на немецком языке в «Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft», где все вышедшие к этому времени публикации на славянских и немецком языках были снабжены краткими аннотациями.

Изданные в России сборники и научные труды послужили базой для развития исследований русской сказки и былины. Сборники былин П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга имели столь важное значение, что с 60-х годов ни один сколько-нибудь серьезный немецкий исследователь не мог уже пройти мимо них. В 60-е и 70-е годы в Германии за очень краткий период вышло несколько фундаментальных трудов, показавших, что заложена уже прочная основа изучения русского былинного эпоса. Из них заслуживают упоминания в первую очередь книга Августа Больца «Словесно-песенные этнографические материалы» («Beiträge zur Völkerkunde aus Wort und Lied», 1868), статьи В. Бистрома о русском эпосе («Das russische Volksepos», 1868)⁵ и работа К. Марте «Русские героические сказания» («Die russische Heldensage», 1865)⁶, а также ряд исследований иностранных (в том числе и русских) славистов, вышедших на немецком языке. Не станем подвергать критической оценке эти столь различные по своему уровню работы, укажем лишь в первую очередь на статью Ватрослава Ягича «Христианско-мифологический слой в русском народном эпосе» («Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepica»)⁷, в которой ясно виден переход от чисто лингвистического рассмотрения фольклора к анализу его как специфического культурно-феномена.

⁵ «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», B. 5. Berlin, 1868, S. 180—205; B. 6. Berlin, 1869, S. 132—162.

⁶ «Jahrbuch für Literaturgeschichte», herausgegeben von Richard Gosche, B. 1. Berlin, 1865, S. 175—195.

⁷ «Archiv für slavische Philologie», B. 1. Berlin, 1876, S. 82—133.

На этом общем фоне развивалась деятельность лейпцигского слависта Вольнера. Вильгельм Вольнер (1851—1902) был родом из Москвы, вырос в Тюрингии и по настоянию отца начал изучать торговое дело. Но этот род занятий, по-видимому, не удовлетворял его, так как, отслужив в армии, он сдал экзамены за старшие классы гимназии и с 1874 по 1878 г. занимался в Лейпциге славистикой и сравнительным языкознанием у столь известных ученых, как Лескин, Курциус, Брокгауз, Царнке и др.

В 1879 г. он защитил дипломную работу о русских былинах, а затем занимался еще один семестр в Берлине у Ватрослава Ягича и побывал в 1880 г. в Праге. С осени 1880 г. он поселился в Лейпциге, где в 1886 г. защитил в качестве диссертации фундаментальную работу «Исследование стихосложения южнославянской народной песни» («Untersuchungen über den Versbau des südslavischen Volksliedes»), которая вышла в 1886 г. в Берлине в «Archiv für slavische Philologie») и получил звание приват-доцента. В 1890 г. по рекомендации Лескина, Бругмана, Виндиша и Вислиценуса он стал экстраординарным профессором⁸.

Научные интересы Вольнера были чрезвычайно широки. Так, например, он читал общие курсы по истории славянских литератур и по русской литературе, специальные курсы — от Пушкина до Л. Толстого, лекции о самых различных проблемах славянского фольклора, особенно о сравнительном его изучении, о славянской мифологии, о взаимосвязях византийской и средневековых западноевропейских литератур.

Список его публикаций — хоть и не очень обширный — тоже свидетельствует о широте и многосторонности его научных интересов. Здесь можно найти работы о сюжете Леноры в народной поэзии славян, о литовском и английском фольклоре. Многое, в том числе и задуманная им «История русской литературы», не было осуществлено⁹. Но с особой любовью и вниманием Вольнер постоянно возвращался к славянскому фольклору. Его работы в этой области заслужили признание специалистов. В известной мере Вольнер занялся русским былинным эпосом под влиянием своего учителя Августа Лескина, опубликовавшего в 1870 г. лингвистическое исследование «О языке русских народных песен Олонецкой губернии», в котором он писал, что книга «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» — это обширный сборник, чрезвычайно важный для развития фольклористики и вообще для понимания истории фольклора¹⁰. Вольнер усвоил эту точку зрения и своей работой активно включился в международную дискуссию о характере, содержании и происхождении русских былин.

Как же оценить диссертацию Вольнера о русском народном эпосе и каково ее место в истории науки?

Прежде всего следует подчеркнуть, что Вольнер основательно изучил мировую и особенно русскую научную литературу о былинах. Он прекрасно ориентировался в современных ему работах о русском эпосе и знал, какое место принадлежит им в научных спорах того времени. У него были сборники Калайдовича, Киреевского, Рыбникова, Гильфердинга; он знал работы Срезневского, Буслаева, Афанасьева, Бессонова, Тихомирова, Стасова, Пыпина, Миллера, Веселовского и многих других. Он специально писал о статьях Рыбникова и Гильфердинга, о былинной традиции русского Севера и оспаривал результаты русских исследований, однако и немецкие работы в этой области он тоже подвергал критической оценке. Много внимания уделял Вольнер фундаментальной монографии француза Альфреда Рамбо «Эпическая Русь. Исследование русских героических песен» («La Russie épique. Etudes sur les chansons héroïques de la Russie», 1876).

⁸ W. Zeil. Wilhelm Wollner — ein verdienstvoller Slavist. — «Zeitschrift für Slawistik», XXII, H. 2, S. 227—231.

⁹ W. Zeil. Указ. раб., с. 229 сл.

¹⁰ «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung», B. 6. Berlin, 1870, S. 152—187.

Вольнер дал определение былины как «героической песни», в которой изображаются «подлинные события», правда, в особом смысле: «Народ, действительно, считает невымышленными события, воспетые в былинах»¹¹. В своем делении былин на циклы Вольнер следует Киреевскому и Рыбникову. Особенностью эпических песен он считает отчетливо типизирующий характер изображения героя, не оставляющий певцу простора для художественной идеализации. В результате во многих случаях «в русской былине подвиг одного героя чисто механически вплетается в подвиги другого, что осуществляется с большой легкостью из-за недостаточной индивидуализации героя, но порой ведет к противоречивости в изображении героев» (с. 67).

Затем Вольнер разбирает художественный строй былин, особенно подробно — *epiteta opantia* (украшающие эпитеты), стереотипные обращения и повторы, сравнения, параллелизм и своеобразную магию чисел.

В одном из своих экскурсов Вольнер поднимает и вопрос о происхождении былин. Он излагает концепции Л. Н. Майкова и Ф. И. Буслаева, не принимая их точки зрения, согласно которой былины «являются одним из самых надежных источников истории Российского государства» (с. 20). Именно этот тезис он подвергает сомнению в своей следующей работе, посвященной соотношению исторической действительности и художественного вымысла в киевских и новгородских былинах. Автор анализирует некоторые былины о Садко и былины киевского цикла о Добрыне Никитиче и князе Владимире; он также считает былины о так называемых старших богатырях совершенно произвольным разделом, «не существующим фактически в народном сознании» (с. 89).

Вольнер усматривает подлинное отражение истории лишь в исторических песнях, начиная с эпохи Ивана Грозного, а не в киевских и новгородских былинах, поэтому он не считает возможным называть былины эпосом: «Правда, форма их... чисто эпическая, но содержание — не что иное, как сказка, персонажи которой носят более или менее исторические имена» (с. 31). Так, сюжет былин о Садко Вольнер не считает национально-русским и указывает на восточные источники. Но подчеркивая в то же время местный колорит новгородских былин, он делает такие сопоставления: «С одной стороны — исторические имена, местный колорит описаний, с другой — сказочное содержание. И при всем том строго эпическая форма» (с. 37). Подобное же несоответствие обнаруживает он и в былинном образе князя Владимира, который чаще всего выглядит «бездейственным, трусливым, мелочным и капризным» (с. 40), совсем иным, чем исторический Владимир. Вольнер высказывает предположение, что в былинку перешел образ царя из сказки; он не допускает возможности критического отношения народа к князьям как представителям господствующего класса.

Делая заключение, что, по всей вероятности, былины первоначально имели совершенно иное содержание и были «героическими песнями в полном смысле этого слова» (с. 41), Вольнер исходит из того, что некогда существовал «исконный национальный эпос», «содержание которого постепенно изменялось, но от него сохранились еще отдельные следы в виде так называемых „типичных мест“ (имеются в виду *loci communes*. — Э. Х.)» (с. 72). Как и Гильфердинг, он различает «типические» и «переходные» места, видя при этом в *loci communes* «древнейший слой песни» (с. 36). Отсюда вытекает его требование, остающееся актуальным и по сегодняшний день при подлинно историческом анализе былин: «Древнейший слой необходимо принимать во внимание при исследовании исторического содержания этих песен» (с. 36).

¹¹ W. Wollner. Untersuchungen über die Volksepik der Großrussen. Inaugural-Dissertation. Leipzig, 1879, S. 10, 15. В дальнейшем все ссылки на эту работу в тексте.

Большое познавательное значение имеет детальное сопоставление Вольнером былин. Не устарело и его понимание того, как попал эпос на русский Север. Можно выделить две стороны, характерные для концепции Вольнера.

С политической точки зрения Вольнеру абсолютно чужд всякий национализм. Поэтому он возражает против официально-славянофильских взглядов П. А. Бессонова, рассматривавшего былин «сквозь розовые очки восторженного славянофильства» (с. 22). Научная критика «была под сильным влиянием квазипатриотического стремления выдавать все, что есть в былинах, за национально-русское» (с. 35), — замечает стремившийся к объективности Вольнер. Тем самым автор сближается с прогрессивной позицией В. В. Стасова; он подробно излагает его спорную книгу «Происхождение русских былин» (1868) и полностью соглашается с его взглядами. Критически следуя за Стасовым, Вольнер ополчается против чрезвычайного подчеркивания в былинах национально-русской специфики.

Теория заимствований, сторонником которой был Стасов, а вслед за ним в Германии — Вольнер, имела, как известно, прогрессивное значение, так как она была направлена против всевозможных концепций национальной исключительности. Но формальное сравнение сходных фольклорных сюжетов вело в то же время к недооценке национального элемента в фольклоре. Генезису эпических песен и их носителям уделялось значительно меньше внимания, чем проблеме «бродячего сюжета»¹².

С историко-сравнительной точки зрения, Вольнер приходит к мысли о прародине различных сюжетов и ищет ее на востоке. Понятия типологии тогда еще не существовало. И поэтому может создаться впечатление, что Вольнер в полемике со славянофилом Бессоновым хотел лишить русский народ его собственного былинного эпоса, свести его до уровня искусства, ограниченного зависимостью от чужеземных влияний. Но такое впечатление обманчиво. Как раз к русским былинам Вольнер относится с большой теплотой как к сказочным картинам далекого прошлого, признавая, что в различных их слоях обнаруживается отражение истории народа. При тогдашнем уровне науки вряд ли возможен был более глубокий взгляд на вещи. Вольнер стремился главным образом обратить внимание на ошибки предыдущих исследований и в противоположность их националистическим устремлениям внести историческую конкретность в международное сравнительное изучение эпоса.

Примечательно, что в толковании Вольнером русского былинного эпоса не нашли себе места идеи христианского смирения или «официальной народности», что тоже роднит его с прогрессивностью и демократизмом Стасова. Очевидно, Вольнер почувствовал все же односторонность теории заимствований, ибо в одном месте своей работы высказывается за то, чтобы «искать правду между этими крайностями», и обращает внимание на «новое, более корректное и, вместе с тем, более научное» направление (с. 30), представителями которого, по его мнению, являются А. Н. Пыпин, Н. С. Тихонравов, А. Н. Веселовский, Ф. И. Буслаев в своих поздних работах, а также В. Ягич.

Несмотря на все недостатки, связанные со временем ее написания, диссертация Вольнера отличается обилием материала, четкостью понимания русских и международных споров об эпосе. Она может претендовать на почетное место в истории немецко-русских фольклористических связей XIX в.

¹² А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., с. 31; М. К. Азодовский. История русской фольклористики, т. II. М., 1963, с. 156.